

Quincentenari filolog
ЈУЖНОСЛОВЕНСКИ ФИЛОЛОГ

ПОВРЕМЕНИ СПИС

ЗА СЛОВЕНСКУ ФИЛОЛОГИЈУ И ЛИНГВИСТИКУ

УРЕЂУЈЕ

А. БЕЛИЋ

УЗ

СТАЛНУ САРАДЊУ

г. г. А. МЕЈЕ-А, проф. Collège de France, А. СТОЈИЋЕВИЋА, проф. Унив. у
Љубљани, К. НИЧА, проф. Унив. у Кракову, Љ. СТОЈАНОВИЋА, акад. у
Београду, М. РЕШЕТАРА, проф. Унив. у Загребу, О. ХУЈЕРА, проф. Унив.
у Прагу, Р. НАХТИГАЛА, проф. Унив. у Љубљани, СТ. ИВШИЋА, проф.
Унив. у Загребу, СТ. М. КУЉБАКИНА, проф. Унив. у Београду, ФР. ИЛЕШИЋА,
проф. Унив. у Загребу, ФР. РАМОВША, проф. Унив. у Љубљани и Х. БАРИЋА,
проф. Унив. у Београду.

КЊИГА V.

БЕОГРАД 1925—1926.

узима **tōkslo-*, **tōk̥plo-*, о чем види више у Boisacq-a, Dictionnaire etymologique de la langue grecque sub *téκτων*.

Мисао, да именицу *шаслак* треба доводити у свезу с глаголом *шесати*, ја сам укратко рекао већ год. 1914 у „Dodatku Semaz. Studijama“ стр. 8 у биљешци, гдје сам уједно споменуо, да је суфикс *-lak* доста риједак. Осим тамо наведене ријечи *мџшлак*, неспретан, глуп човек (у Лици) овдје ћу још навести личку ријеч *сџалак* (= **stā-lak*) ген. *сџалка* „столац у којем се дјеца уче стати“, у Бука *сџалац* (-лица), *der Gängelwagen, machina qua stare et incedere discunt parvuli*. Да је та ријеч творена од коријена **st(h)a-*, *stare* као и свесловенски глагол *sta-ti*, доста је само споменути; испореди исту творбу од истога коријена дорски *στᾶ-λα* (атички *στή-λη*) „ступ“: дорски *ἵστα-μι* (атички *ἵστη-μι*) „постављам“. Овдје је потребно напоменути, да се *στᾶλα* (*στήλη*) обично изводи од **σταλνα* (Brugmann, Thumb и други) обзиром на лезбиско и тесалско *σάλλα* (које Boisacq оп. cit. 908 изводи од **sthlna*). Али *σάλλα* и *στᾶλα* (*στήλη*) не мора бити идентично, како мисли и Hirt, Handbuch der griech. Laut- und Formenlehre² 241. Далеко је вјеројатније, да дуг коренит вокал у *στᾶλα* није постао накнадним дуљењем (*Ersatzdehnung*), већ је такав од искона као у глаголу *ἵσταμι* и у српскохрв. *сџалак*, *сџалац*. Исконску дуљину у *στᾶла* узима у најновије доба (г. 1922) и R. Loewe, Germanische Sprachwissenschaft I.³ 49.

Против мојега схваћања ријечи *шаслак* устао је недавно Стј. Ившић, који у Nast. Vjesniku XXXIII. 236—237 (г. 1925) учи, да је то турска ријеч, и то зато, јер је тако забиљежено у 3. издању Вукова Рјечника. Али кад се зна, да је *шаслак* не само у Лици, већ по изричитом тврђењу војника и у Србији само отесан комад дрвета, онда је јасно, да је то домаћа ријеч, која се добро подударе са староирским *tal* „брадва“.

Загреб, 16. IX. 1925.

Ђуро Шкарић.

2. Славјанскія етимологіи.

I. Южнослав. *korina* „шелковая ткань, покрывало“.

Въ 1923 г. P. Skok, помѣстивъ на страницахъ пражской „Slavia“ (I 488) интересную статью „Des rapports linguistiques slavo-roumains“, въ которой со свойственной ему проникающей

ностью и глубиной эрудиции попытался пролить новый свѣтъ на происхождение этого слова. Въ принципѣ онъ согласенъ съ Matzenauer'омъ CS 213, что оно — латинскаго происхожденія, но, не находя возможнымъ, по семасіологическимъ и фонетическимъ соображеніямъ, вывести его изъ **caperone* (какъ чешскій лингвистъ), Skok рассматриваетъ *koprina*, *koprena* „какъ тождественное съ лат. *cooperimentum*, откуда румынск. *acoperemint* „одѣяло“, и котораго другое производное имя сохранилось въ Далмаціи: *coopertorium* > *kpratur*. Суффиксъ *-mentum* чередовался въ латинскомъ, какъ извѣстно, съ *-(i)men* . . . Слѣдовательно, не является смѣлымъ предположеніе о существованіи *coopertmen*, которое въ славяно-балканскомъ языкѣ дало сначала **koprime*, потомъ, въ силу диссимиляціи *p - m* > *p - n* . . . **koprīne*. Эта послѣдняя форма, воспринятая какъ им. п. мн. ч. ж. р., должна была дать неизбѣжно начало им. п. ед. ч. ж. р. *koprīna*. Гласный *i* чувствовался сербохорватами какъ икавизмъ, который послѣ *r* ижекавцами не могъ быть замѣненъ другимъ гласнымъ, какъ *e*: *kōprena* изъ *koprēna*“.

Таково мнѣніе Skok'a. Не думаю, чтобы его можно было признать убѣдительнымъ: уже одинъ тотъ фактъ, что для доказательства своей гипотезы ему приходится построить цѣлыхъ три гадательныхъ формы: **coopertmen* > **koprime* > **koprīne* мало располагаетъ въ ея пользу. Кромѣ того, не подтверждаетъ этимологии Skok'a и сравнительная древность слова и его относительно широкая распространенность: оно встрѣчается уже въ цсл. памятникахъ и не безызвѣстно въ др.-русс. языкѣ. Но латинизмы даты праславянской или близкой къ этой эпохѣ всѣ на перечь, и присоединять къ нимъ новый примѣръ можно лишь послѣ того, когда всѣ пути къ другому объясненію слова заказаны. Но какъ разъ въ данномъ случаѣ этого и нельзя сказать.

Вмѣсто того, чтобы строить три гадательныя формы, не проще-ли построить одну такую форму **kop-r-ina*? Въ такомъ случаѣ, мы получимъ право сопоставить ее не только въ фонетическомъ и семасіологическомъ отношеніи, но и въ формальномъ съ лит. *kerpūrė* „шляпа“. А это слово, какъ показано нами въ специальномъ этюдѣ (Р. Ф. В. LXXIV 123), нельзя отдѣлять и отъ праслав. *čerъsъ* (сх. *čēras*, с. *čerēs*, ч. *čeres*, п. *czerpiec*, р. *чейецъ*): оба имени, литовск. и слав., образованы отъ извѣстнаго корня **kerp-* „рѣзать“ и обозначали первоначально „извѣстной формы кусокъ полотна, которымъ покрываютъ голову“. На ступени *-o-* корень *kop-* могъ еще въ праслав. языкѣ получить болѣе широкое

значеніе „покрывала вообще“, откуда *kopъr-ina* и съ суфф. *-én-* (ср. *kaměň* и пр.) *koprěň-a* > сх. *koprena*¹.

Если наша этимологія вѣрна, то она еще разъ подтверждаетъ наше наблюденіе (Р. Ф. В. ib. 121), что большинство славянскихъ именъ, обозначающихъ „ткань“, „полотно“, „плащъ“ и т. п. понятія, образована отъ корней съ основнымъ значеніемъ „рѣзать, рубить“. Ср. прасл. *rpъ* (цсл. *ржъ* „*rannus*“, ч. *rub*, вл. *rub* „платокъ“, р. *рубаха*) при *rpbiti*, **polъno* (цсл. *платано*, сх. *plátно*) при **polti* (р. *полють*); *riza* (цсл. *риза*, б. *риза*) при лит. *rėžiū* „рѣжу“, п. *rznac'* (Р. Ф. В. ib. 122): южносл. *rakno* (цсл. *ракно* „*vestis*“, сх. *rákno* „родъ шали“, с. *rákno*) при лт. *rákti* „колотъ, копать“; ч. *drasta* „одежда“ при *drásati* „драть“, сх. *одора* „одежда“; р. *холстъ* изъ корня **khel-* „рѣзать“ (Изв. XX, 4, 133); п. *chusta* „платокъ“ изъ корня **kseu-* „рѣзать“ (Изв. XX, 3, 104) и т. д.

II. Сх. *бѣлега* „животный экскрементъ“.

Этому слову недавно посвятилъ небольшую этимологическую замѣтку Бариѣ на страницахъ JФ II (1921) 297 sq. Онъ съ полнымъ основаніемъ отвергаетъ мнѣніе G. Meyer'a J. F. VI 115 и Berneker'a EW I, 41, что сх. *бѣлега* и точно соответствующее ему румынск. *balegă* восходятъ черезъ посредство алб. *bal'εge* < *bagε'le* къ сѣв.-итал. *bagola* изъ ром. *bacula*: не говоря уже о томъ, что а priori невѣроятно, чтобы албанскіе пастухи заимствовали выраженіе для животнаго испражненія изъ северныхъ итальянскихъ діалектовъ, противъ словопроизводства Meyer'a говоритъ фонетика, — вѣдь романское *bacula* должно было бы дать на албанской почвѣ не *bagε'le* а **bágule*.

Взамѣнъ этимологіи нѣмецкаго ученаго сербскій албаниологъ предлагаетъ свою. Ее можно упрекнуть во всемъ, но только не въ недостатокъ учености. Именно онъ возстановляетъ алб. *bal'ε-ge* какъ сложное имя **bəlnō-g"μā*, гдѣ *bəlnō-* родственно съ б. *блана* „коровій пометь“, а **g"μā* потомокъ извѣстнаго иде. *g"ōus* „рогатый скотъ“ (др.-инд. *gāuṣ*, гр. *βοῦς* и пр.). Слѣдовательно, основное значеніе алб. слова было „животная грязь“. Изъ алб. языка *bal'εga* перешло не только въ сербохорватскій, но и румынскій языкъ. А румынскіе пастухи занесли его на Украину, ср. мр. *балига*, *белега*, *балог*.

¹ Вѣроятно, сюда же относится и сх. *койѳран* „родъ одежды“, но такъ какъ этимологія этого слова Skok'a въ Zfr. Ph. XXXVI 644 для насъ недоступна, то отъ окончательнаго сужденія о немъ мы воздерживаемся.

Отдавая должное остроумію этой гипотезы, мы должны, однако, признать, что она грѣшитъ слишкомъ большою искусственностью. Не говоря уже о томъ, что мало вѣроятно, чтобы для албанскихъ пастуховъ понадобилось сложное имя для такого простого понятія какъ „навозъ“, необходимо было бы привести другія параллели сохраненія въ албанскомъ языкѣ сложныхъ словъ такого рѣдкаго типа какъ гр. *ἱερωσόνη*; да и мр. *белега* своимъ кореннымъ *e* не подтверждаетъ гипотезы его румынскаго происхожденія . . .

Да и къ чему она, когда имя *балега* можно объяснить гораздо проще? Въ иде. языкѣ пользуется весьма широкимъ распространеніемъ корень **bhěl-* „вздыматься, надыматься“; именно отъ этого корня ведутъ начало, между прочимъ, др.-сѣв. *bulr*, *bolr* „древесный стволъ, туловище“, свн. *bole* „бревно“, нвн. *Bohle* (ср. Falk-Torp. Vrgl. Wb.⁴ III, 267, Persson, Beitr. 796 sq.); на слав. почвѣ сюда относятся **bolzno* (сх. *блѣзина* „подушка“, р. *болозно* „толстая доска“) и, какъ показано нами въ Изв. XXIV, 1, 114 sq., *bol-vvanъ*, resp. *bal-vvanъ* „овальной формы чурбанъ“. Такъ какъ коровій пометъ имѣетъ видъ „овальной лепешки“, то мы не видимъ причины, почему бы въ основѣ прасл. **bal-ega* не могъ лежать корень **bhöl-*, а въ мр. *белега* нормальная ступень того же корня **bhěl-*. Что касается формальной стороны интересующаго насъ слова, то суффиксъ *-og-/-eg-* отнюдь не представляетъ рѣдкости въ слав. языкахъ, ср. нашу Прасл. Грам. § 266, Vondrák VSG² I 628 sq.

Если наша гипотеза вѣрна, то рум. *balegă* и алб. *bal'egë* не имѣютъ ничего общаго ни съ ром. *bacula* ни съ иде. *bəlno-g"qă*, а представляютъ сравнительно позднія заимствованія изъ языка балканскихъ славянъ.

Саратовъ.

Г. Ильинскій.

3. Группе *tŕt* и *-oŕ* у восточном доленском говору.

У восточном доленском говору, у говору опшине Велика Долина, рефлекс је некадашњег *-ŕ-* у кратким наглашеним и ненаглашеним слоговима *-o-*, а у дугим наглашеним слоговима редовно *-a-*, само спорадично затворено *-õ-*: *pòn* : *púna*, *púno*, *ņepúnit*; *dòg*, *dožina* : *dúga*, *dúgo*; *dòga* (gen.), *dògu* (dat.) . . ., *dožník*, *dožnúst*; *dûg* (nom.),